

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2023-1-11-25

Сибирская ученица «школы читателей Ахматовой»

Роман Давидович Тименчик

Еврейский университет

Иерусалим, Израиль

suzirom@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8614-511X>

Аннотация

Републикуется не учтенная ни в одной из многочисленных библиографий литературы об Анне Ахматовой статья 1916 г. из сибирской газеты, принадлежавшая искусствоведу Татьяне Васильевне Сапожниковой (1887–1971), известной по ее имени в замужестве как Чернавиной, осуществившей с мужем, известным ихтиологом, и маленьким сыном героический побег из СССР в 1932 г. Этот побег был описан ею в книге, изданной на ряде европейских языков.

Ее ранняя литературная деятельность еще ожидает введения в научный оборот (например, статья о поэзии Ильи Эренбурга и другие). Статья «Современные поэтессы: Анна Ахматова» представляет собой опыт построения мотивной сетки сборника Ахматовой «Четки» (1914). В предисловии к комментированной републикации намечаются черты читательской позиции Сапожниковой-Чернавиной, приводятся некоторые из основных вех ее биографии и эпизоды, связанные с ней как очевидицей проходных, но многозначительных трагических моментов в истории русской поэзии подсоветского периода. Ставится вопрос о насущности собирания ее рассеянного литературного наследия.

Ключевые слова

Анна Ахматова, Татьяна Сапожникова-Чернавина, школа читателей

Благодарности

Пользуюсь случаем выразить благодарность И. Е. Лошилову за всемерную помощь в работе над этой заметкой, начиная, собственно, с сообщения о существовании републикуемой в *Приложении* статьи

Для цитирования

Тименчик Р. Д. Сибирская ученица «школы читателей Ахматовой» // Сюжетология и сюжетология. 2023. № 1. С. 11–25. DOI 10.25205/2713-3133-2023-1-11-25

© Тименчик Р. Д., 2023

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетология. 2023. № 1. С. 11–25
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 1, pp. 11–25

A Siberian Pupil of “Anna Akhmatova’s Readers School”

Roman D. Timenchik

The Hebrew University
Jerusalem, Israel

suzirom@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8614-511X>

Abstract

A totally forgotten feuilleton placed in Tomsk newspaper in 1916 is reproduced with a historical commentary. It belonged to a pen of art expert Tatiana Sapozhnikova-Chernavina (1887–1971) and was never mentioned in any of numerous bibliographic lists on Anna Akhmatova’s creative works. She is known as brave fugitive female for her heroic escapade from USSR in 1932 together with her husband, a prominent fishery biologist, and little son.

Her early works as a literary observer are worth to be included in contemporary circularization (e.g. an essay on Ilya Ehrenburg’s poetry et al.). The article “Modern Poetesses: Anna Akhmatova” was an attempt to reconstruct the net of motifs spanning the poems of the book “Rosary” (1914). The foreword to the annotated republication points some relevant patterns of the literary attitude of Sapozhnikova-Chernavina as well as lists some of the main milestones of her biography including the episodes when she is represented as an eyewitness of swift-passing but meaningful tragic moments in the history of Russian poetry under Soviets. A question is raised about picking up her scattered literary heritage.

Keywords

Anna Akhmatova, Tatiana Sapozhnikova-Chernavina, schools of poet’s readers

Acknowledgments

I’d like to take this opportunity to express my gratitude to Igor Loshchilov for various forms of outpouring advisory help beginning with the very tip-off about the totally neglected age old article republished here

For citation

Timenchik R. D. A Siberian Pupil of “Anna Akhmatova’s Readers School”. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 1, pp. 11–25. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-1-11-25

Если в рамках пошагового монографического освещения школ читателей русской поэзии XX в. [Timenchik, 2020], вслед за сообществами читателей И. Анненского [Тименчик, 2017], Н. Гумилева [Тименчик, 2018а; 2022], О. Мандельштама [Тименчик, 2020], приступать к поименному называнию читателей «Четок» [Тименчик, 2018б], то сравнительно скоро очередь должна дойти до Татьяны Сапожниковой. Жизнеописание этой героической женщины, несомненно, должно войти в набор главных книг о российском XX веке, мы же пока наметим только некоторые точки ее судьбы, судьбы одной из ярких современниц Ахматовой.

«Я, правда, родилась в Москве, но 5-ти лет меня увезли в Сибирь, и я долго считала ее своей настоящей родиной» [Чернавина, 1937а, с. 4]¹, – писала Татьяна Васильевна Чернавина, урожденная Сапожникова (1887–1971), дочь от первого брака ботаника и путешественника (она потом находила сходство в биографиях своего отца и Годунова-Чердынцова старшего в романе Набокова «Дар» [Набо-

¹ См.: [Tchernavin, 1972].

ков, 2010, с. 365]) Василия Васильевича Сапожникова (1861–1924), ректора Томского университета. Для понимая истоков гуманитарного кругозора нашей героини существенно вспомнить о столь актуально сегодня звучащих рассуждениях ее отца «с точки зрения натуралиста»:

При первом взгляде на выдающегося деятеля остается впечатление его исключительности, как чуда, упавшего с небес. Это впечатление усиливается иногда непониманием гения со стороны современников, его одиночеством; нередко гений преследуется и погибает, как жертва несвоевременности. Но история культуры все более и более убеждает нас, что гений есть историческая необходимость и, хотя невозможно проследить во всех извилинах сложную историю его возникновения, но мы уже не сомневаемся, что его творчество есть результат столкновения страстного и восприимчивого темперамента с условиями окружающей среды. Сам Пушкин говорит, что «климат, образ жизни, вера дают каждому народу свою физиономию, которая более или менее отражается и в поэзии». Оставляя в стороне историю возникновения данного выдающегося темперамента, полное понимание которой в настоящее время не под силу и первоклассному философу, остановимся на более скромной задаче: посмотрим, как природа страны отразилась в произведениях поэта. <...> Оставаясь искренним патриотом, горячо любя Россию, будучи национальным и в языке, и в чувстве, он твердо убежден, что государство не может жить полною жизнью и развиваться нормально, замкнувшись от своих соседей. Он хорошо понимал превосходство культуры запада перед косностью востока и поэтому благоговел перед памятью Петра – великого преобразователя России, который «нравы укротил наукой» и

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение
[Сапожников, 1901, с. 1, 9].

Один из ранних документов духовного развития Татьяны Сапожниковой – письма ее, ученицы гимназии, А. С. Алферовой в Москве, Д. Н. Овсянко-Куликовскому (1905) – он ответил на вопросы по синтаксису русского языка, адресатка прочла его в классе: «Главные споры вызвало ваше деление сферы мышления. Мы все в психологии профаны»². По обрывочным сведениям можно судить о ее погруженности в новую русскую поэзию, которая ей, как и многим, как могла, помогала в советской тюремной повседневности, например, когда она поддерживала товарку по заключению: «Я исчерпала весь свой запас утешений, разъяснений и, как последний резон, выучила ее двум строкам из какого-то стихотворения Кузмина: “Ты, читатель, своей жизни не писец, неизвестен тебе повести конец”. Она их повторяла на все лады, и днем, и ночью, так как спать почти совсем перестала» [Чернавина, 19376, с. 4]. Ее читательскую компетентность удостоверяет и ее присланная из Парижа рецензия на три эмигрантских сборника Ильи Эренбурга:

Подчиняясь внутренней теплоте и ласке, стих мягко гнется, проза рифмуется, но в творчестве Эренбурга есть другая музыка. Когда вместо детства, дома и мамы выступает Россия, тогда сразу надвигается что-то не только серьезное, но суровое, мужественное. Стих выпрямляется, как стальной прут, и если вы начнете вспоми-

² Сапожникова Т. Письма Д. Н. Овсянко-Куликовскому. 29 марта 1905 г. и б. д. (Рукописный отдел Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН). Ф. 211. Оп. 1. № 209).

нать, почему вам это кажется знакомым, что это напоминает вам, вы найдете очень скоро – это напоминает вам Пушкина. Судите сами.

Когда встают туманы злые,
И ветер гасит мой камин,
В бреду мне чудится, Россия,
Безлюдие твоих равнин.
В моей мансарде полутемной,
Под шум парижской мостовой,
Ты кажешься мне столь огромной,
Столь беспримерно неживой,

Таишь такое безразличье,
Такое нехотенье жить,
Что я страшусь твое величье
Своею жалобой смутить.

При одном слове Россия – встало что-то значительное, мрачное, немного жуткое, точно злой ветер донесся с безлюдных равнин, точно что-то в самом деле огромное и неживое почувствовалось где-то близко, что-то холодное и суровое заставило сжаться тоску по России, заставило жалобу притаиться. Но об огромном трудно говорить [Сапожникова, 1914, с. 3].

Впоследствии, в советские годы, когда она в Петрограде выступала в роли переводчицы, искусствоведа, музееведа³, ей доводилось быть очевидицей проходных, но многозначительных эпизодов мучительной истории текущей русской поэзии.

7-VIII М. Шагинян записывает только два слова: «Умер Блок». Она не хочет помнить, как с ума сходила от горя, как металась, потрясая своими кулачками, кому-то грозила и кричала: «Они уморили его! Уморили голодом!» Могла бы запомнить Мариэтта и еще более страшную смерть, которую она не решилась даже помянуть, – это расстрел Гумилева. Когда она узнала об этом, она заперлась в своей комнате и, так как ключ остался в замке, то видеть, в каком она состоянии, было невозможно. Друзья были в волнении – не натворила бы она чего с собой, и то и дело подходили к двери, прислушиваясь. Мне удалось вытолкнуть карандашом ключ. Я была уверена, что она не услышит его падения. Так это и было. Мы увидели, что Мариэтта сидит за столом и тихо плачет. Я осталась ждать у двери. Через некоторое время она стала тихо ходить по комнате. Я стукнула, когда она была близко к двери. Она открыла, молча взяла меня за плечи и повела через всю комнату к стене, где у нее висело «расписание». Она обожала составлять планы и расписания, в которых включались занятия марксизмом, текущей политикой и прочим. Она их никогда не исполняла, даже «ударные», но в каждом новом периоде своей жизни всегда составляла их заново. Расписание, аккуратно разграфленное и исписанное ее красивым мелким почерком, было перечеркнуто карандашом и внизу стояло: «Писать стихи. Гумилев».

– Это он написал мне: писать стихи. Это все, что теперь от него осталось – стихи. А я не могу больше писать стихов, – сказала она очень тихо и грустно.

Потом совсем другим, не лирическим тоном, она спросила, и мне ее слов не забыть вовек: «Кто имеет право убить поэта?» [Чернавина, 1934а, с. 424–425].

³ См., например: [Сапожникова, 1923].

Когда я пришла за последней получкой, у кассы стояла молодая, хорошенькая женщина. Перед ней лежала ведомость, но она не решалась расписаться.

– Мне сказали, что я должна получить большую сумму денег, что мужу остались должны за его работы.

– Это все, что ему причиталось, – сухо сказала кассирша.

Я не удержалась и заглянула в ведомость. Она придерживала ее там, где стояло имя – Гумилева. Сумма была крупной месяца два-три тому назад, но пока ведомость проходила все официальные инстанции, Гумилева расстреляли, а деньги, которые были ему должны, превратились в такие гроши, на которые нельзя было купить фунта масла. Она стояла, не зная, что делать: расписаться – значит отказаться от последнего, на что она надеялась, а может быть, тут была ошибка, которую она не понимала.

– Не задерживайте, – строго сказала ей кассирша.

Бедная женщина, давно ли ей завидовали, баловали, а теперь на нее кричат, потому, что она не может сообразить, как это так катастрофично обесценилась ее «крупная сумма».

Она расписалась и забыла взять свои тысячи, а, может быть, это был уже миллион.

– Деньги возьмите! – воскликнула кассирша в нетерпении.

Та испуганно обернулась, растерянно засунула деньги в сумочку и ушла.

По сравнению с ужасной катастрофой, только что обрушившейся на нее, эта обида была, конечно, пустяком, но очень показательным для нашей жизни. Чекист, наверно, не раздумывал, подписывая смертный приговор поэту, а, вслед за тем, большинство постаралось забыть о нем, о всем, что связывало с ним, чтобы не навлекать на себя подозрительного внимания властей [Чернавина, 1934а, с. 410].

Маяковский погиб, не выдержав той атмосферы, которую вокруг него создали гепеусты во главе с Лилей Брик, мне приходилось видеть Никулина, Безыменского и кой-кого других, развлекающимися в гепеустской компании. По-видимому, главной приманкой была возможность хоть мимоходом испытать легкость жизни: кутнуть, прокатиться на автомобиле, вырваться из тошнотных советских будней. <...> Борьба за кусок хлеба – нудная, мелочная, противная, не прекращающаяся; связанность социальным, или, вернее, жестким правительственным заказом, за исполнением которого следит цензура и ГПУ, и хуже всего, может быть, душная атмосфера принуждения, – таковы условия, в которых ни советской и никакой другой литературе не цвести [Чернавина, 1934б, с. 413].

В 1932 г. она, хранительница Эрмитажа (побывав до того в заключении), вместе с заключенным мужем, ихтиологом, учеником ее отца, и маленьким сыном бежала из Кандавакши в Финляндию⁴, о чем написала книгу, изданную сначала по-английски [Tchernavin, 1934; Чернавины, 1999] – она была переведена Натальей Александровной Эртель-Даддингтон (1886–1972), ранее, в 1927 г. выпустившей в своих переводах первую английскую книгу Ахматовой «47 стихотворений о любви». Переводчица укрылась под псевдонимом «Н. Александр». О книге читающее население СССР было оповещено газетным подвалом, присланным нью-йоркским корреспондентом центрального органа:

Оказывается, к концу 1930 г. большевики в России решили «истребить весь образованный класс». Не только отдельные люди, но вся «интеллигенция как класс была обречена на гибель». Арестовали всех, кто «выделялся своим образованием».

⁴ См.: [Сойни, 2017].

Арестовали профессоров, ученых, специалистов. Арестовали всех, «имеющих какое-либо отношение к литературе и книгоиздательству». Арестовали сначала старых, затем дошла очередь до молодых. Затем начали хватать переводчиков. Арестовали одного человека за то, что он перевел по заказу издательства книгу Марселя Пруста. Арестовали зубных врачей, «чтобы получить выкуп». Арестовывали за отсутствие политических убеждений, за нерабочее происхождение, за выдающиеся ученые заслуги. «Дошло до того, что в некоторых отделах важнейших государственных учреждений остались только машинистки и уборщицы». Так описывает Советский союз автор этой потрясающей глупости – некая Татьяна Чернавина в книге, озаглавленной «Побег из страны Советов» [Ольгин, 1934].

Осведомленный подсоветский читатель мог понять, что некая Татьяна Чернавина описывает, например, ленинградское Дело Академии наук, – в одной из публикаций Чернавина упоминала арест по этому делу филолога Б. М. Энгельгардта, друга Ахматовой, и последовавшее за этим самоубийство его жены, Н. Е. Гаршиной, свой сослуживицы по Эрмитажу. Или узнать «золотуху» 1930 г. – добровольно-принудительную сдачу золота бывшими нэпманами, ювелирами, зубными врачами (описанную М. Булгаковым в сне Никанора Ивановича Босого из романа «Мастер и Маргарита»). «Наконец, – продолжал нью-йоркский житель, – вся книга написана в духе дешевой мелодрамы, которую так любит обыватель. Каждый раз, когда требуется разжалобить читателя, автор выпускает на сцену своего 12-летнего сына “Андрюшу”, который так много страдал, когда папа и мама находились в лапах большевиков. Когда “счастливая развязка” достигнута и беглецы бросаются на шею первому финляндскому городовому, у американского читателя остается впечатление, что он прочел интересную и правдивую книгу. Недаром ее расхвалила буржуазная критика» [Ольгин, 1934] ⁵.

Эмигрантские публикации Т. В. Чернавиной еще не собраны ⁶ – часть из них, вероятно, появилась под псевдонимом. Редактору рижской газеты «Сегодня» она писала из Лондона 2 октября 1936 г.:

Очень рада, что Вам понравился мой рассказ. Посылаю Вам еще один, но, пожалуйста, не стесняйтесь отправить его обратно, если он не подойдет. Я не писательница. Мне хочется говорить о том, что я видела, но это еще не значит, что я всегда умею это делать.

Спасибо Вам и за внимание к нашей семье. Муж мой эти два года, что мы переехали сюда из Финляндии, работает в Британском музее (Естественно-историческое отделение), готовит большую работу по лососевым. Его книга *I speak for the silent* вышла в Америке, в Англии, в Швеции, в Голландии и в Норвегии. Скоро выйдет в Финляндии. В Швеции – успех был поразительный: все первое издание было продано в три дня. В Норвегии книга была издана нынче, в августе, вчера он получил авторские экземпляры, помеченные 50-ой тысячей.

Моя книжка вышла на 12 языках, и самый большой успех имела в Америке. Я туда ездила два года подряд с лекциями и, в прошлом году, исколесила все главные города от океана до океана. Говорю об этом потому, что это было наше, русское дело [Абызов и др., 1997, с. 379].

⁵ Моше Хаимович Ольгин (Новоминский; 1878–1939) – идишский литератор.

⁶ См. о них: [Шруба, 2012, с. 269–270]; см. перечень 14 публикаций в газете «Сегодня» 1936–1938 гг.: [Абызов, 1990–1991, с. 298].

Тименчик Р. Д. Сибирская ученица «школы читателей Ахматовой»

Татьяна Чернавина

(Из книги: *Vladimir V. Tchernavin. I Speak for the Silent. Prisoners of the Soviets.*
New York, Boston, By Hale, Cushman & Flint, 1935)

Tatiana Chernavina

(From the book: *Vladimir V. Tchernavin. I Speak for the Silent. Prisoners of the Soviets.*
New York, Boston, By Hale, Cushman & Flint, 1935)

Собрание литературного наследия Т. В. Сапожниковой-Чернавиной представляется весьма актуальной задачей международной русистики.

Т. Сапожникова

Современные поэтессы. Анна Ахматова

Всем на земле суждено испытать любовную пытку, но каждому по-своему, и женщине не так, как мужчине. Гадая, обрывает женщина нежный цветок маргаритку, в этом цветке вся жизнь ее, вся судьба, вся пытка, и когда внутренняя творческая сила заставляет женщину говорить о себе, она охотнее всего рассказывает все о том же: «Любит – не любит... любит – не любит»⁷. Может случиться, что любовь ляжет на ее жизнь надгробным камнем⁸, может стать – пышно расцветет, как новогодняя роза⁹, но любовь, только любовь, радостная, тоскливая, пьяная, томная, нежная, жестокая, богаче всего окрасит ее жизнь, заставит гадать: «любит – не любит», обрывать лепестки маргаритки или перебирать воспоминания, как душистые зерна старинных четок.

В жизни каждой женщины есть любовь, всегда немного фантастичная, идеализированная ею самою, рассказ о ней легко превратить в художественный роман, и поэтому почти каждая женщина способна дать одну книжку стихов, одну повесть своего чувства, одну песнь любви. В этом слабость ее литературного творчества, по сравнению с мужским, которое легко охватывает разные грани любви, дружбу, ненависть, общественные симпатии и антипатии; в этом сила ее жизненного творчества, которое обладает магической властью облекать скучную серую реальность во все драгоценные краски чувства. Анна Ахматова дала нам до сих пор одну книжку стихов. 1909 годом помечены ее ранние стихотворения, 1914 – поздние, за 5 лет одна книжка, второй, может быть, и не будет, а может быть, она и не нужна, а первая пока уже выдерживает третье издание¹⁰, т. е. грубо, обыденно, но вместе с тем и убедительно доказывает, что она, эта маленькая, белая книжка четок имеет право на существование и признание. Если вы возьмете в руки эту книжку, не ждите от нее того, чего она не в силах дать, не требуйте обширных перспектив, а полюбуйтесь женщиной и четками ее любви.

Анна, как и все женщины, лишь пробудилась юность, ждала земную радость, особенную, созданную только для нее. Имя Анна казалось ей сладчайшим для губ людских и слуха, праздников она считала не двенадцать, а столько, сколько дней в году, она любила солнце и деревья, она любила плавать в теплом море¹¹, она

⁷ Пересказ стих. «Музе» («Муза-сестра заглянула в лицо...»).

⁸ Из стих. «Было душно от жгучего света...».

⁹ Из стих. «После ветра и мороза было...».

¹⁰ Первым сборником Ахматовой была книга: Вечер: Стихи / Предисл. М. Кузмина; обл. С. Городецкого; фронт. Е. Лансере; заставки А. Б<елобородова>. СПб.: Цех поэтов, 1912. 90 страниц, 300 экземпляров. Большинство стихотворений из нее вошли в следующий сборник, «Четки», выдержавший семь авторизованных изданий, не считая контрафакций: первые четыре – в издательстве «Гиперборей» в 1914, 1915 г. и два в 1916 г., издание 5-е (Пг.: Прометей, 1918), 8-е (Пг.: Алконост, 1922), 9-е, доп. (Пг.: Петрополис: Алконост, 1923).

¹¹ Пересказ стих. «Эпические мотивы».

любила себя, любовалась собой и чувствовала, что душа ее прекрасна и крылата. Любовь колдовала у ее сердца, любовь ей чудилась повсюду: и в ярком блеске инея, и в дреме левкоя, и в молитве рыдающей скрипки, любовь она боялась угадать в улыбке даже незнакомой¹², и девической мечтой вдохновлены ее гаданья.

Синий вечер. Ветры кротко стихли,
Яркий свет зовёт меня домой.
Я гадаю. Кто там? – не жених ли,
Не жених ли это мой?..
На террасе силуэт знакомый,
Еле слышен тихий разговор.
О, такой пленительной истома
Я не знала до сих пор.
Тополя тревожно прошуршали,
Нежные их посетили сны,
Небо цвета воронёной стали,
Звезды матово-бледны.
Я несю букет левкоев белых.
Для того в них тайный скрыт огонь,
Кто, беря цветы из рук несмелых,
Тронет теплую ладонь¹³.

Она узнала, как поет любовь, но еще мгновение – и простое, радостное счастье исчезло навсегда, а жизнь покатила мутной, тяжелой, дурманной волной. Вертлявый бесенок, который, как говорит Гершензон, на лету успевает схватить, обнюхать и смять всякий цветок, едва только сорванный человеком¹⁴, не дремал: золотая непосредственность – потеряна. Как? почему? – мы не знаем, но розовое

¹² Пересказ стих. «Любовь» («То змейкой, свернувшись клубком...»).

¹³ Ср. об этом стихотворении: «...мир еще полузакрытый, заманчивый, девический» (Раич [Рабинович] Е. Рец.: Ахматова А. Четки. Белая стая. Anno Domini // Русская книга заграницей (Берлин). 1924. № 1. С. 10).

¹⁴ Имеется в виду следующее рассуждение: «Если под культурой следует понимать сознательное отношение к себе и к миру, – а иною определения, кажется, нельзя дать культуре, – то само собою ясно, что росту культуры неизбежно сопутствует возрастающая гипертрофия сознательного начала в каждой отдельной личности. Та золотая непосредственность, которая характеризует утро единичной жизни и детство человечества, исчезает; мысль разлагающая, взвешивающая, оценивающая, ищущая причин и ставящая цели, мысль, не властная не быть собою, становящаяся мукою, как только она не находит причины или не видит цели, даже причины и цели самой себя, – мысль поработает себе чувство и волю. Не мышление философа, пролагающее дальнюю тропу; не мысль-озарение, знакомая творческим умам; но тот вертлявый бесенок, который на лету успевает схватить, обнюхать и смять всякий цветок, едва только сорванный человеком, – это мелкое неугомонное самосознание всякого чувствования, всякого движения воли, оглядка и взвешивание, где вся острота вкуса обращена на вопрос о смысле предмета, так что самое созерцание предмета, а следовательно, и любовь к нему, за недосугом не могут возникнуть, – вот могучее походное орудие культуры и тягчайшее проклятие культурного человечества» (Петрарка Ф. Автобиография. Исповедь. Сонеты / Пер. М. Гершензона и Вяч. Иванова; вступ. ст. М. Гершензона. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1915. С. 51–52).

утро погасло, и начался день, смутный и хмурый, как в те петроградские дни, когда тяжелый туман, смешавшись с фабричным черным дымом, низко ползет над серым городом и тушит все яркое и блестящее.

Забыто море, деревья, солнце, забыт иль изменил свободный товарищ, избранный когда-то по тайному велению, жизнь забила в душный кабак с забытыми окнами, сердце тоскует, словно ожидая смертного часа, и с горечью думает:

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!¹⁵

Невесело, но как расстаться? Где найти светлое веселье, когда жизнь уже пахнула холодным и смутным туманом? Где найти прежнее счастье, когда сердце любит уж не героя романа, обладающего бесплотным совершенством или соблазнительной и таинственной греховностью, а современного человека, быть может, наглого и злого¹⁶, быть может, блудника и бражника. Он красив, но в его спокойных глазах лишь смех «под легким золотом ресниц»; он дерзок и холоден, недрогнувшей рукой касается он колен и плеч любимой, но прикосновенья этих рук непохожи на объятия:

Так глядят кошек или птиц...
Так на наездниц смотрят стройных¹⁷.

И даже, когда он хочет быть нежным, нет веры в его ласку и мягкость.

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.
И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные
Несытые взгляды твои!¹⁸

¹⁵ Пересказ стих. «Cabaret artistique», изображающего петербургское кабаре «Бродячая собака».

¹⁶ Из стих. «У меня есть улыбка одна...».

¹⁷ Из стих. «Вечером» («Звенела музыка в саду...»).

¹⁸ Ср. об этом стихотворении: «Она раба страсти, и страсть влачит ее, куда хочет, грубою, но непреодолимою силою. Она не идеализирует чувства ни своего, ни того, кто идет к ней. Цена его, может быть, невысока. Это только ураган желания, порыв тела. Но разве можно от него уйти?» (Аякс [Измайлов А.] Только любовь // Биржевые ведомости. Вечерний вып. 1914. 13 июня); «Поэтесса замечает все извилины, все нюансы этой сложной, этой загадочной вещи, именуемой любовью. И искренность она умеет отличать от фальши и притворства» (Нагель [Вольтин] В. Анна Ахматова: Литературный силуэт // Буревестник (Ташкент). 1917. № 1. С. 10); «Если сердечные раны современной культурной женщины и залиты коллодием условностей и забинтованы путами рассудка, они тем не менее побаливают, и нет-нет да дают о себе знать» (Рунт Б. Скорбная улыбка. О стихах Анны Ахматовой // Женское дело. 1914. № 9. С. 12).

Досадно и горько знать, что нет в ответ любви такой же горячей и нежной, злые кошмары мучают сердце, кто-то незримый шуршит опавшей листвой и насмешливо кричит о том, что «любимый» тронул ее тяжелые веки черной, густой тушью, что он предал ее тоске и удушью, что легче ей лечь живой в гроб, но тут все силы поднимаются вновь в усталой измученной душе, и упрямо кричит она в ответ злему незримому кошмару:

Хитрый, черный,
Верно нет у тебя стыда.
Он тихий, он нежный, он мне покорный,
Влюбленный в меня навсегда!¹⁹

Как бы хорошо она не знала, что прав этот хитрый черный, что напрасно вложила она замиранья и крики и столько бессонных ночей в свое тихое, заветное слово, она все же верит в мечту, в фантазию, в то, что он, может быть, покорный, нежный, влюбленный, что он назовет ее Сандрильоной²⁰, верит, потому что без веры нет любви, а без любви нет жизни. Если уйдет от нее любимый и на душе ее станет пусто и ясно²¹, она не сможет жить с этой ясностью, потому что будет пусто, а сердце жадно просит любви, счастья и праздника, а праздник есть только в любви.

Солнце комнату наполнило
Пылью жёлтой и сквозной.
Я проснулась и припомнила:
Милый, нынче праздник твой.
Оттого и оснежённая
Даль за окнами тепла,
Оттого и я, бессонная,
Как причастница спала²².

Но праздники теперь стали редки, грустны и бледны, на сердце холод, стыннут плечи, руки, хочется погреться у огня. Огонь для всех горяч, светел и ласков,

¹⁹ Стих. «Отрывок» («...И кто-то, во мраке дерев незримый...»).

²⁰ Из стих. «...И на ступеньки встретить...».

²¹ Из стих. «Как велит простая учтивость...».

²² Ср. об этом стихотворении: «Поэтесса Анна Ахматова – своеобразный стилист, что зависит, как и весь строй ее поэзии от ее несомненной и бесспорной искренности. Слова у нее простые, без вывертов, без модных фасонов, а, между тем, кажутся новыми. Стоят на месте, и из сочетания их звучит то прекрасное, что так характерно для стиха Анны Ахматовой... Все просто и нежно, и уже тысячу раз сказано, и как будто стерлось и надоело, а вот, подите же: опять в тысячу первый раз ново, как нова всякая искренняя любовь и ново всякое искреннее чувство. Тайна новизны в искренности, а не в ломании и не в вывихе» (Чуносков М. [Ясинский И. И.] [Рец. на:]: Ахматова А. Четки // Новое слово. 1914. № 7. С. 158); «Но у Ахматовой не только чуткий музыкальный слух, но и зоркий глаз. Она может подметить <...> “солнце комнату наполнило пылью желтой и сквозной” <...> – и, не уставая, рассыпает она щедрой рукой яркие образы. У нее глаз, живописно-остро подмечающий цвет» (Третьяков В. Анна Ахматова // Сегодня (Рига). 1921. 15 нояб.).

около огня можно забыться в воспоминаниях, перебирая четки, сознавая с тихой грустью, что

Крылатый иль бескрылый,
Веселый Бог не посетит меня ²³.

Немного дала эта жизнь, в ней больше было ожиданий и страданий, чем радости и ласки, в ней больше было томительных угарных ночей и пронизывающих льдом утр ²⁴, чем ясных, теплых дней, но ценою бессонниц, кошмаров и мучений жизнь дала в награду то, что не добыть никаким талантом – мудрость. Мудрость жизни – тяжелая вещь! Чтобы быть мудрым, надо научиться любить жизнь, любить ее так, чтобы почувствовать свою душу нищей и потерянной, чтобы со смирением узнать, что своей скудной души не принести богатой Богу, чтобы отречься от всякой гордыни, прикинуть к земле, быть готовой слиться с ней в прахе и здесь, забыв все прежние надежды и мечты о вечном празднике, научиться новой любви, которая поймет, что надо дрожать над всем живым, над каждой душой, над каждой соринкой, над каждым словом глупца ²⁵.

И Анна, начав свою песнь любовью к себе, к своему сладостному имени, к теплomu морю, солнцу, деревьям и горячей страсти, кончила ее мудрой любовью к жизни.

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.
Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной ²⁶.

В ее маленькой книжке весь цикл любви и жизни. Расскажет ли она нам о том, как теперь, узнав житейскую мудрость, она живет и любит, раскроет ли глубже

²³ Стих. «И мальчик, что играет на волынке...». Ср. об этом стихотворении: «И в сердце воцарилась зловещая тишь, ласковая посленаркозная пустота, легкая, но не легко приобретаемая ирония, жуткая приветливость кладбища, где пестреют, не радуя, цветы. Сверху – слабая зыбь случайной прихоти, случайных желаний, в глубине одно желанье – тепла» (*Кречетов С. Половодье // Утро России. 1914. 26 апр.*).

²⁴ Пересказ стих. «Помолись о нищей, о потерянной...».

²⁵ Пересказ стих. «Дал Ты мне молодость трудную...». Ср. о нем: «Поэт, для которого “сладко земное питье”, не может забыть и разлюбить землю: “я дрожу над каждой соринкою, над каждым словом глупца”. Слишком сильно волнуют земные радости и горе» (*Ашукин Н. Четки (Стихи А. Ахматовой) // Мир женщины. 1914. № 10. С. 13*).

²⁶ Ср.: «Теперь как будто наступил покой, отдых после долгого, бесплодного искания (“Я научилась просто, мудро жить, смотреть на небо, и молиться Богу...”). А. Ахматова взяла четки, как внешний знак этого умирения» (*Усов Д. «Четки» // Жатва: Вестник литературы. М., 1915. Кн. VI–VII. С. 468*); «Какие-то черные тени лежат на всем сборнике г-жи Ахматовой, а отдельные строфы веют холодом отчаяния и безнадежности. Об этом нельзя не пожалеть. И нельзя талантливой поэтессе не пожелать других переживаний и песен – “веселых стихов о жизни тленной и прекрасной”» (*Ю. В. [Вяткин Г. А.] <Сводная рецензия> // Утро. Харьков. 1914. 20 мая*).

Тименчик Р. Д. Сибирская ученица «школы читателей Ахматовой»

то, как искала она мудрость жизни, или скрытно замолчит, – ее стихи, простые, ясные, без искусства, причуд и фальши, останутся для нас все теми же искренними, живыми словами женщины, которая знала, как и другие, а может быть, и глубже, любовную пытку.

Источник: Сибирская жизнь (Томск). 1916. № 102, 12 мая. С. 2.

Список литературы

Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии 1917–1944 гг.: Библиографический справочник: В 4 ч. Stanford, 1990–1991. Ч. 4: Р–Я. 438 с. (Stanford Slavic Studies; vol. 3)

Абызов Ю., Флейшман Л., Равдин Б. Русская печать в Риге. Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Книга IV. Между Гитлером и Сталиным. Stanford, 1997. 392 с. (Stanford Slavic Studies; vol. 16)

Набоков В. Письма к Вере. М.: Колибри, 2010. 702 с.

Ольгин М. Две книги об СССР // Правда. 1934. 15 дек.

Сапожников В. В. Природа в поэтических изображениях А. С. Пушкина // Изв. Имп. Том. ун-та. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1901. Кн. 18. С. 1–9 (9-я паг.).

Сапожникова Т. Стихи И. Эренбурга (Новые книги и журналы) // Сибирская жизнь (Томск). 1914. № 104, 20 мая. С. 3.

Сапожникова Т. Камерон в Павловске // Среди коллекционеров. 1923. № 5. С. 30–35.

Сойни Е. Г. Финский период в жизни и творчестве семьи Чернавиных // Stephanos (Москва). 2017. № 5 (25). С. 253–260.

Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2017. 776 с.

Тименчик Р. История культа Гумилева. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2018а. 640 с.

Тименчик Р. Д. Успехи Анны Ахматовой // Литературный факт. 2018б. № 9. С. 244–263.

Тименчик Р. Школа читателей Мандельштама: Читатели № 1, 2, 3 // Литература. Rusistica Vilnensis. 2020. № 62 (2). С. 59–79.

Тименчик Р. Школа читателей Гумилева: семь учеников (Приблудный, Кедрин, Мочалова, Пастернак, Мандельштам, Цветаева, Ахматова) // Literatūra (Vilniaus). 2022. Vol. 64, no. 2. С. 67–78.

Чернавина Т. [Рец. на:] Дневники Мариэтты Шагинян. 1917–1931 // Современные записки. 1934а. № 55. С. 422–426.

Чернавина Т. Об условиях литературной работы в СССР // Современные записки. 1934б. № 56. С. 403–413.

Чернавина Т. Вера. Из пережитого в СССР // Сегодня (Рига). 1937а. 10 янв. С. 4.

Чернавина Т. Обыкновенная женщина // Сегодня (Рига). 1937б. 26 июля. С. 4.

Чернавины В. и Т. Записки «вредителя»; Побег из ГУЛАГа. СПб.: Канон, 1999. 328 с.

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетология. 2023. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 1

Шруба М. Беглецы из СССР 1930-х гг. в «Современных записках» // Venok. Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. In Honor of Stefano Garzonio. Part II / Ed. by Guido Carpi, Lazar Fleishman, Bianca Sulpasso. Stanford, 2012. С. 266–281. (Stanford Slavic Studies; vol. 41)

Tchernavin Tatiana. Escape from the Soviets. Translated by “N. Alexander” [Natalie Duddington]. New York: E. P. Dutton and C^o, 1934. 165 p.

Tchernavin Tatiana. My Childhood in Siberia. London: Oxford Uni. Press, 1972. 112 p.

Timenchik Roman. Early Twentieth-Century Schools of Reading Russian Poetry // Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia. Ed. by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena. Milano: Ledizioni, 2020. Vol. 2. P. 241–257.

References

Abyzov Yu. Russkoe pechatnoe slovo v Latvii 1917–1944 gg. [Russian Printed Word in Latvia 1917–1944]. Bio-Bibliographical Guide. In 4 pts. Stanford, 1990–1991, pt. 4: R–Ya, 438 p. (in Russ.) (Stanford Slavic Studies; vol. 3)

Abyzov Yu., Fleishman L., Ravdin B. Russkaya pechat' v Rige. Iz istorii gazety *Segodnya* 1930-kh godov. Kniga IV. Mezhdru Gitlerom i Stalinym [Russian press in Riga. From the history of the newspaper *Segodnya* 1930s. Book IV. Between Hitler and Stalin]. Stanford, 1997, 392 p. (in Russ.) (Stanford Slavic Studies; vol. 16)

Chernavina T. [Review:] Dnevnik Marietty Shaginjan. 1917–1931. *Sovremennye zapiski* [Modern Notes], 1934, no. 55, pp. 422–426. (in Russ.)

Chernavina T. Ob usloviyakh literaturnoy raboty v SSSR, *Sovremennye zapiski* [Modern Notes], 1934, no. 56, pp. 403–413. (in Russ.)

Chernavina T. Obyknovennaya zhenshchina. *Segodnya* [Today] (Riga), 1937, July 26, p. 4. (in Russ.)

Chernavina T. Vera. Iz perezhitogo v SSSR. *Segodnya* [Today] (Riga), 1937, January 10, p. 4. (in Russ.)

Chernaviny V. & T. Zapiski “vreditelya”; Pobeg iz GULAGa [Notes of a “pest”; Escape from the Gulag]. St. Petersburg, Kanon, 1999, 328 p. (in Russ.)

Nabokov V. Pis'ma k Vere [Letters to Vera]. Moscow, Kolibri, 2010, 702 p. (in Russ.)

Olgin M. Dve knigi ob SSSR. *Pravda* [Truth], 1934, December 15. (in Russ.)

Sapozhnikov V. V. Priroda v pojeticheskikh izobrazheniyah A. S. Pushkina. In: *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta* [Bulletin of the Imperial Tomsk University]. Tomsk, Parovaya tipo-litografiya P. I. Makushina, 1901, book 18, pp. 1–9 (9-ya pag.). (in Russ.)

Sapozhnikova T. Kameron v Pavlovske. *Sredi kollektionerov* [Among Collectors], 1923, no. 5, pp. 30–35. (in Russ.)

Sapozhnikova T. Stikhi I. Erenburga (Novye knigi i zhurnaly). *Sibirskaya zhizn'* [Siberian Life] (Tomsk), 1914, no. 104, May 20, p. 3. (in Russ.)

Shruba M. Beglettsy iz SSSR 1930-kh gg. v “Sovremennykh zapiskakh”. In: Carpi Guido, Fleishman Lazar, Sulpasso Bianca (eds.). Venok. Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. In Honor of Stefano Garzonio. Part II. Stanford, 2012, pp. 266–281. (in Russ.) (Stanford Slavic Studies; vol. 41)

Тименчик Р. Д. Сибирская ученица «школы читателей Ахматовой»

Sojni E. G. Finskij period v zhizni i tvorchestve sem'i Chernavinykh. *Stephanos* (Moscow), 2017, no. 5 (25), pp. 253–260. (in Russ.)

Tchernavin Tatiana. Escape from the Soviets. Translated by “N. Alexander” [Natalie Duddington]. New York, E. P. Dutton and C^o, 1934, 165 p.

Tchernavin Tatiana. My Childhood in Siberia. London, Oxford Uni. Press, 1972, 112 p.

Timenchik R. Podzemnye klassiki: Innokentij Annenskij. Nikolaj Gumilev [Underground classics: Innokenty Annensky. Nikolai Gumilyov]. Moscow, Mosty kul'tury, Jerusalem, Gesharim, 2017, 776 p. (in Russ.)

Timenchik R. D. Uspekhi Anny Akhmatovoj. *Literaturnyj fakt* [Literary Fact], 2018, no. 9, pp. 244–263. (in Russ.)

Timenchik R. Istoriya kul'ta Gumileva [History of Gumilev's cult]. Moscow, Mosty kul'tury, Jerusalem, Gesharim, 2018, 640 p. (in Russ.)

Timenchik Roman. Early Twentieth-Century Schools of Reading Russian Poetry. In: Rebecchini Damiano, Vassena Raffaella (eds.). Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia. Milano, Ledizioni, 2020, vol. 2, pp. 241–257.

Timenchik R. Shkola chitatelej Mandelstama: Chitateli № 1, 2, 3. *Literatura. Rusistica Vilnensis*, 2020, no. 62 (2), pp. 59–79. (in Russ.)

Timenchik R. Shkola chitatelej Gumileva: sem' uchenikov (Pribludnyj, Kedrin, Mochalova, Pasternak, Mandelshtam, Tsvetaeva, Akhmatova). *Literatūra* (Vilniaus), 2022, vol. 64, no. 2, pp. 67–78. (in Russ.)

Информация об авторе

Роман Давидович Тименчик, кандидат филологических наук, Заслуженный профессор
Mt. Scopus, Jerusalem, 9190501

Information about the Author

Roman D. Timenchik, Candidate of Sciences (Philology), Professor Emeritus
Mt. Scopus, Jerusalem, 9190501

Статья поступила в редакцию 02.12.2022;
одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 01.02.2023
The article was submitted on 02.12.2023;
approved after reviewing on 10.01.2023; accepted for publication on 01.02.2023